

“ДИКИЕ, РАЗВРАТНЫЕ И НЕДУХОВНЫЕ СЕСТРЫ”:
ЖЕНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ
СТРАСБУРГА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

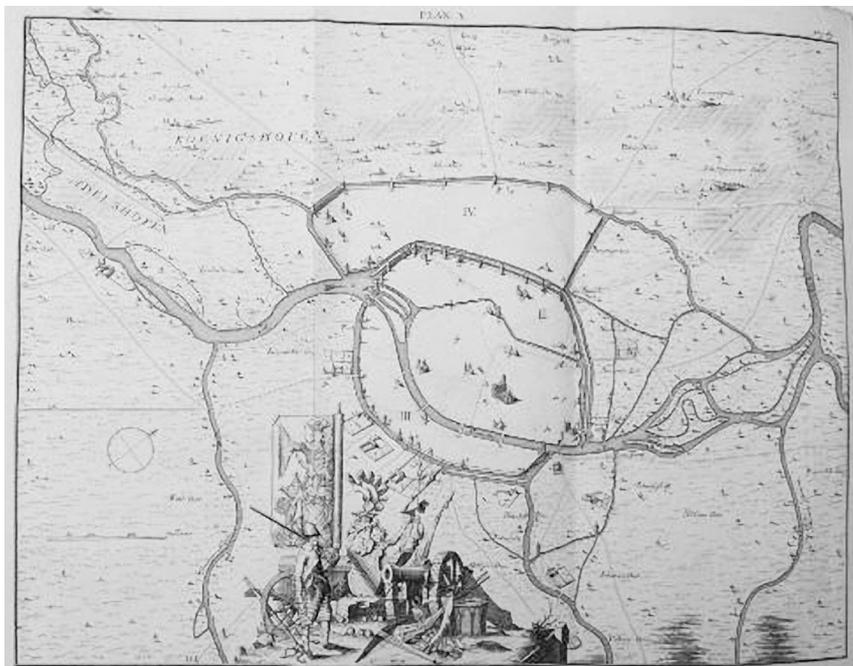
Если не брать в расчет Кёльн, в Страсбурге был представлен, пожалуй, наиболее широкий спектр разнообразных женских религиозных общин, каковые только можно встретить в городах Германской империи. Наряду с основанной уже ок. 700 г. общиной канонисс св. Стефана¹, между 1225 и 1252 гг. возникли семь монастырей доминиканок, а также монастырь кающихся грешниц; во второй половине XIII в. к ним добавилось еще два монастыря кларисс. Сверх того в XIV столетии в Страсбурге насчитывалось около 70 общин бегинок, которые сильно различались по своему размеру и богатству (см. рис.).

В основе моих исследований², общую концепцию которых я хотела бы проиллюстрировать в данной статье, лежит идея, которая заключается в том, чтобы сравнить все эти разные конвенты, т.е. духовные общины города, в период с середины XIII в. и до Реформации. Если прежде историки рассматривали бегинок, монахинь и канонисс, как правило, обособленно, то я предлагаю уделить внимание всему спектру религиозных и полурелигиозных женских духовных учреждений Страсбурга. Интерес здесь представляют не только различные нормы жизни (*vita religiosa*) в общинах (по строгим орденским правилам или по более мягким внутренним уставам), но и те созданные городской средой условия, в которых члены конвента живут и которые оказывают воздействие на их поступки. В особенности важно понять, *как* эти женщины включены в городские и церковные структуры и *как* эти структуры, в свою очередь, влияют на конвенты и их отдельных членов.

Изучение женских религиозных общин – конвентов нищенствующих орденов, каноникатов и бегинок – лежит в равной мере в русле как гендерных исследований, так и социальной истории и в целом является частью обширной исследовательской темы “город и Церковь”. Далее несколько слов об историографической традиции.

Я сконцентрируюсь лишь на одном сюжете из области социальной истории, который имеет здесь особое значение. Модели

* Профессор Зигрид Хирбодиан (прежде Шмитт) – директор Института исторического краеведения и вспомогательных исторических дисциплин (Institut für Geschichtliche Landeskunde und Historische Hilfswissenschaften) Тюбингенского университета. Перевод статьи публикуется с любезного разрешения автора. Оригинальное изд.: Schmitt S. “Wilde, unzucht- und ungaistlich swestern”. *Straßburger Frauenkonvente im Spätmittelalter // Frauen und Kirche / Hrsg. von S. Schmitt (=Mainzer Vorträge 6). Mainz, 2002. S. 71–94.*

Страсбургские конвенты в XV в.

социальной стратификации (*soziale Schichtung*) эффективно использовались в исторической науке начиная с 60-х годов XX в., в том числе и в исследованиях по истории средневекового общества, особенно городского. После выхода в свет программной работы Клауса Шрайнера³ анализ социальной стратификации стал важным аспектом изучения также и духовных орденов, поскольку давал возможность понять, как формируются и обретают свое место в обществе социальные группы и индивиды. Применительно к религиозным сообществам в целом все это позволяет определить их место в социальном окружении и оценить их общественную и политическую значимость. Следующим шагом после обращения к составляющим общество социальным структурам стал привнесенный в последние два десятилетия из этнологии в социальную историю и усиленный ею подход, нацеленный на изучение систем социальных связей (*Netzwerke*).

Он предполагает, что поведение и мотивы принятия решений в обществе в значительной степени зависят от личных связей между индивидами. В медиевистике этому направлению иссле-

дований предшествовали начиная с 50-х годов XX в. фундаментальные просопографические труды Герда Телленбаха⁴. Методы, позволяющие проследить, как переплетаются во взаимных связях группы людей и по каким моделям строится в этом случае и принятие ими решений, и их поведение, уже неоднократно эффективно использовались при изучении мужских религиозных обществ. При анализе женских религиозных общин такой подход до сих пор не применялся. Это объясняется прежде всего предписанным для них затворническим образом жизни, который, как может показаться, препятствовал активному участию женщин в жизни города, а потому существование подобных систем социальных связей изначально исключалось. Однако, как мне удалось установить, семейные и иные личные связи конвента и его членов с персонами и группами из внешнего мира и, наоборот, связи внешнего мира с конвентом играли одну из ключевых ролей в принятии важнейших решений, например, при реформировании женских монастырей или при конфликтах между конвентами и окормлявшими их клириками, что я поясню далее на вполне конкретном материале. При этом мне хотелось бы показать, как сочетаются методы социальной истории и просопографии с проблематикой сравнительных гендерных исследований и к каким выводам такая комбинация может привести.

ДВА СКАНДАЛЬНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯ В СТРАСБУРГСКИХ МОНАСТЫРЯХ КЛАРИСС

Оба рассматриваемых ниже случая весьма наглядно иллюстрируют характер монастырской жизни и окружающей городской среды, благодаря необыкновенно богатой источниковой базе. Это заметки хронистов и грамоты, но прежде всего – письма и протоколы допросов.

В 1399 г. мирской брат монастыря св. Клары⁵ на Россмаркте бочар Куффенханс был посажен под замок в городской башне. Там он сознался, что “дважды имел любовные сношения с госпожой Эннелин Цёрнин, дочерью покойного Виссен-Цорна [...] в монастыре, внутри кладовой для хранения свиных туш”⁶. Далее он показал, что многие другие монахини состояли в связи с братьями-францисканцами и с предстоятелем южнонемецкой провинции францисканцев, т.е. провинциалом ордена. Другие свидетели подтвердили показания бочара в том, что касается слухов о “любовных похождениях” монахинь.

Очевидно, городской совет воспринял обвинения столь серьезно, что издал запрет в будущем посещать францисканцев или

поддерживать их материально. В сохранившемся письме к совету аббатисы и монахини горько жалуются на лживые слухи, которые ходят о них, и призывают восстановить их доброе имя. Подобное письмо пишут и францисканцы. Они заверяют городской совет в своей полной невинности и обязуются исполнить все его требования в отношении духовного наставничества кларисс. В заключение они письменно обещают, что “отныне не будут подходить к окну⁷, к исповедальне и входной галерее монастыря (*Winde*) без разрешения и согласия аммайстера”⁸. Таким образом, всякий контакт с женскими монастырями они предлагают осуществлять под надзором высшего должностного лица в городе – аммайстера.

Второй скандал, в монастыре св. Клары на Верте в 1411–1413 гг., документирован гораздо более подробно.

В так называемом длинном письме (*langer Brief*) смещенная аббатиса Катарина Вайсбрётлерин сообщает о происшествиях в ее общине. Она пишет, что в течение многих лет монахини Маргарета Александрин и Брунхильда Хюфлерин имели любовные связи: одна с францисканским монахом Ментцером, другая с провинциалом ордена. Аббатиса узнала об этом из устных донесений многих монахинь, а также из письма монахини Гертруды фон Лампертхайм, которое она приложила к своему “длинному письму”. В своем послании Гертруда фон Лампертхайм сообщила, среди прочего, что застала Александрин “в ее старой келье, возлежащей в постели с мужчиной [...] и видела, что он лежал на той и творил с ней непристойный блуд”⁹.

Как предусматривал устав, аббатиса Вайсбрётлерин сообщила об обвинениях в адрес обеих женщин, Александрин и Хюфлерин, прибывшему в обитель визитатору – по иронии судьбы им оказался сам провинциал ордена францисканцев. Поскольку он пригрозил ей тяжким наказанием, потому что она не сможет доказать свои обвинения, аббатиса отказалась давать показания об этом происшествии на собрании капитулы, т.е. перед конвентом, в присутствии многих францисканцев и провинциала ордена. Тогда провинциал прямо на капитуле потребовал от нее письмо с печатью монастыря, в котором будет засвидетельствована его невинность и благопристойность, но аббатиса отказалась сделать и это. Через некоторое время Вайсбрётлерин была отлучена от церкви за непослушание, а вместе с нею и все женщины, которые продолжали поддерживать отношения с отлученной. Вероятно, с этим было связано и ее смещение с должности.

После всего происшедшего Катарина Вайсбрётлерин и написала свое “длинное письмо”, передала его нотариусу и обратилась к родственникам за поддержкой.

Монахиня Ребштёкин, которая оказалась среди членов конвента, подвергшихся интердикту, тоже обратилась к своим родственникам, и те после долгих переговоров с францисканцами в конце концов добились заключения “компромисса” на провинциальном капитуле ордена 11 июня 1411 г.: отлучение от церкви должно быть снято со всех женщин, невзирая на то, что кто-то провинился серьезнее, чем остальные. Впоследствии смещенная аббатиса и ее сторонницы еще раз подверглись интердикту, от которого их освободил лично генерал ордена, когда он в отсутствие провинциала в 1412 г. посетил монастырь.

Тем временем Катарина Вайсбрётлерин с помощью страсбургского горожанина Рудольфа Вазихера довела “длинное письмо” до сведения городского совета. Члены совета поручили декану соборного капитула Хугельману допросить монахинь, а тот, с папского дозволения, позаботился о том, чтобы на время расследования Вайсбрётлерин перевели в другой монастырь.

31 мая 1413 г. городским советом с разрешения провинциала в монастыре был устроен большой допрос. Заслушали всех членов конвента и множество других свидетелей. Монахини, которые до того стояли на стороне Вайсбрётлерин, теперь заявили, что “знали о провинциале только хорошее” (*nichts dann liebs und guts*)¹⁰. И только свидетельницы, которые видели, что произошло между Ментцером и Александрин, настаивали на своих прежних показаниях. Дело же провинциала и монахини Хюфлерин, по единогласному заверению женщин, основывалось на одних только слухах и образовалось из-за зависти и ненависти в кругу монахинь.

На основании результатов допроса, инициированного городским советом, папский легат Петр Камбрезийский официально провозгласил провинциала ордена францисканцев невиновным по всем подозрениям, выдвинутым против него.

Предположительно, как реакцию городских властей на оба скандала можно рассматривать недатированный проект внутреннего распорядка общины, регламентирующий будущие контакты францисканцев с клариссами. В нем, в частности, содержалось требование: отныне исповедь должны выслушивать только старые монахи, а визитации – осуществляться не в помещениях монастыря, а у окна (*Redefenster*).

Оба описанных случая достаточно давно получили широкую известность в историографии по истории нищенствующих орденов и городской истории Страсбурга, благодаря краткому упоминанию о них хрониста Якоба Твингера фон Кёнигсхофена, хотя объемные папки с протоколами допросов и письмами, лежащие

в страсбургском городском архиве, долго оставались совершенно не исследованными. Обычно эти скандалы рассматривались как свидетельство нравственного разложения женских религиозных общин города или доказательство низкого уровня моральных ценностей францисканцев-конвентуалов, которые в Страсбурге одержали верх над другим направлением в ордене – францисканцами-обсервантами, жившими по строгим правилам.

Но если оставить в стороне проблему нравственности и попытаться рассмотреть все эти происшествия в социальном и политическом контексте, нашему взору откроются совершенно иные перспективы: разнообразные и тесные связи женских монастырей с их городским окружением, а также условия жизни монахинь, мотивы и глубинные причины их поступков.

Проанализируем теперь социальный состав обоих конвентов и зададимся вопросом о том, как данные события соотносятся с политической историей города и действиями городского совета по отношению к нищенствующим орденам. Это позволит перейти к изучению взаимоотношений францисканцев и кларисс, которые перестанут определяться просто как “безнравственные” контакты, а также, наконец, — к рассмотрению совместной жизни кларисс в монастыре.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК КОНВЕНТОВ КЛАРИСС

Прежде всего рассмотрим социальную структуру обеих общин. Что касается конвента св. Клары на Россмаркте в начале XV в., то его состав можно приблизительно реконструировать по некрологу аббатства.

Таблица 1

Монастырь св. Клары на Россмаркте около 1400 г.
Состав конвента, реконструированный по некрологу¹¹

<p><i>Высшая аристократия</i></p> <p>Госпожа фон Лихтенберг († 1399)</p> <p>Госпожа фон Лихтенберг († ?)</p>
<p><i>Мелкая аристократия</i></p> <p>Кларельс фон Хагенау (†1436)</p> <p>Одилия фон Хаслаш (†1413)</p> <p>Элизабет фон Уттенхайм (†1453)</p> <p>Клара фон Веге (†1453)</p> <p>Адельхайд Цукмантель (†1433)</p> <p>Маргарета Цукмантель (†1435)</p>

Городской патрициат (Constofler):*Благородные*

Барбара фон Берстет (†1404)
 София фон Эпфиг (†1413)
 Лукард Мансе (†1454)
 Агнес фон Мюлленхайм (†1455)
 Эннелин фон Мюлленхайм (†?)
 Гертруд фон Мюлленхайм (†1404)
 Катарина цум Рит (= Цорн цум Рит?)
 Адельхайд Шультхайс (†1414 = Цорн-Шультхайс?)
 Уше Шультхайс (†1400 = Цорн-Шультхайс?)
 Клара Шварце (†1447)
 Катарина Шварце (†1423)
 Катарина Шварце (†1455)
 Катарина Висе (†1415 = Вайс-Цорн?)
 Маргарета Цорн (†1413)

Бюргеры

Элизабет Берлин (†1425)
 Сюзанна Берлин (†?)
 Низе Бок (†1448)
 Сюзелин Боклин (†1403)
 Катарина Ленцелин (†1434)
 Элизабет Штурм (†1410)
 Одилия Фёльтше (†1405)
 Клар-Анна фон Винтертур (†1404)

Цеховые семьи:*Семьи аммайстеров, впоследствии/ранее – городской патрициат*

Катарина фон Бенфельд (†1427)
 Элиза фон Бенфельд (†1427)
 Бенинья Лумбарт (†1437)
 Маргарета Лумбарт (†1453)
 Урсула Хайльман (†1407)
 Агнес Вурмсер (†1411)
 Одилия Вурмсер (†?)

Семьи членов городского совета

Барбара Гансер (†1405) (из семьи каменщиков)
 Клара фон Лампертхайм (†1453) (из семьи портных)

К сожалению, данный список членов конвента неполный, поскольку некоторые фамилии в некрологе невозможно прочитать из-за повреждений на страницах. Так, мы не найдем здесь имен всех обвиненных Кюферхансом женщин, которые фигурировали в протоколе допроса в 1399 г. Нет и главной обвиняемой Эннелин Цёрнин, дочери Вайс-Цорна, хотя с большой долей вероятности Маргарета Цорн является ее близкой родственницей. В некрологе упомянуто имя ее умершего отца, таким образом Эннелин безошибочно идентифицируется как член семейства Вайс-Цорнов, побочной ветви большой и могущественной семьи Цорнов, которая наряду (или, лучше сказать, в постоянной конкуренции, порой переходившей в военное противостояние) с фон Мюлленхаймами была самой влиятельной в Страсбурге XIV в. Тот факт, что скандальное дело, в котором женщина из этой семьи была замешана в качестве главной обвиняемой, вообще было доведено до сведения членов городского совета, можно объяснить, вероятно, только тем, что конец XIV в. – это время, когда патрицианские семьи, теснимые цеховым бюргерством, уже утратили значительную долю своей власти. В 1349 г. должность председателя городского совета перешла в руки цехов. Впоследствии они превратили ее в важнейший инструмент власти, с помощью которого в интересующее нас время проводилась антипатрицианская политика. В начале XV в. продвигавшаяся стремительными темпами изоляция патрициев увенчалась их исходом из города в 1419 г. За этим последовала “Дахштейнская война”¹², которую вели против города выселившиеся патриции в союзе с поместным дворянством (*Landadel*), а иногда – и с местным епископом.

Итак, к началу XV в. мы имеем дело с патрициатом – так называемым городским патрициатом (*Constopler*), который все интенсивнее оттеснялся от власти цеховым бюргерством, имевшим своих представителей в городском совете. Городской патрициат, со своей стороны, подразделялся на благородных и неблагородных, т.е. бюргеров. По своему образу жизни и экономическому положению патриции все больше приближались к поместному дворянству.

Среди цеховых семей выделились и стали ведущей социальной группой те, чьи представители занимали должность аммайстера, значимость которой со временем все более возрастала. Некоторые из них в течение XV в. возвысились до положения городского патрициата.

Если в контексте этих процессов рассматривать общий состав конвента св. Клары, сразу можно заметить его социальную исключительность. Из тех 39 женщин, которые на основании некро-

лога идентифицируются как члены общины на рубеже XIV–XV столетий, почти все происходили или из местного дворянства, двое – даже из высшей аристократии, или из городского патрициата, а именно из его благородных семейств, обладавших наибольшим влиянием. Лишь немногих можно отнести к цеховому бюргерству, причем, что характерно, в семи случаях из девяти речь идет о семьях, которые либо в прошлом принадлежали городскому патрициату (Хайльманн), либо были на пути к тому, чтобы вступить в этот круг избранных (Вурмсер – 1460, Бенфельд, Лумбард – 1458). Таким образом, в монастыре св. Клары на Росмаркте представительницы дворянских и патрицианских родов, а также тех семей, которые стремились войти в привилегированное сообщество, находились, можно сказать, в своей среде. Следовательно, если скандальному случаю придали большую огласку, чем понравилось бы скомпрометированным семьям, если он, возможно даже сознательно, был использован для усиления позиции города относительно францисканцев, то объяснить это можно, вероятно, лишь заинтересованностью именно в 1399 г. главных политических сил города в том, чтобы патрициат не представал в чересчур хорошем свете.

Что же касается общины св. Клары на Верте, то она представляет собой хотя и тоже очень замкнутое сообщество, но все же далеко не с таким преобладанием представителей знати и патрициата. Состав конвента в точности реконструируется по протоколам допроса 1413 г.

Таблица 2

Монастырь св. Клары на Верте в 1413 г.
Состав конвента, реконструированный по протоколам допроса¹³

<i>Высшая аристократия</i> Госпожа фон Оксенштайн
<i>Мелкая аристократия</i> Клара фон Дюндельхайм Маргарета фон Хоэнштайн Эльке фон Хоэнштайн
Городской патрициат:
<i>Благородные</i> Брунхильда Хюфелин Гертруда фон Шёнек Смещенная аббатиса Катарина Вайсбрётелин

<p><i>Бюргеры</i> Эннелин Брунлер Клара Душман Госпожа фон Димеринген Клара фон Энхайм Гертруда Ингельбрехт Катарина Ребшток Госпожа Рёслер</p>
Цеховые семьи:
<p><i>Семьи аммайстеров</i> Новая аббатиса Лукелин Боппе Маргарета Госсе Гербург Фрайбургер Сюзанна Фрайбургер</p>
<p><i>Семьи членов городского совета</i> Сюзанна Дюмелин (из семьи плотников) Катарина Дюмелин (из семьи плотников) Гертруда фон Этенхайм (из семьи корабельщиков) Маргарета фон Лампертхайм (из семьи портных) Низа фон Вингерсхайм (из семьи суконщиков)</p>
<p><i>Из Хагенау</i> Дина Фотер, прежняя настоятельница</p>
<p><i>Монахини неизвестного происхождения</i> Диль Александер Маргарета Александер Катарина Буркелер</p>

Как видим, из 27 упомянутых в протоколе женщин только одна принадлежала к высшей аристократии, три – к мелкой и 10 – к городскому патрициату, причем в последней группе преобладают семьи бюргеров. Девять женщин, напротив, вышли из цехового бюргерства, среди них четверо – из семей, которые имели в своих рядах одного или даже нескольких аммайстеров и поэтому пользовались в городе значительным влиянием.

Итак, по сравнению с монастырем св. Клары на Росмаркте, монастырь кларисс на Верте был значительно ближе к цеховым семьям или аммайстерам, которые все больше задавали тон в городской политике того времени. Как же получилось, что эта

история стала достоянием общественности и что дурная слава и францисканцев, и монахинь, как пишет хронист Кёнигсхофен, распространилась далеко за пределы города?

Прежде всего, следует признать, что община св. Клары на Верте была гораздо менее гомогенной, чем община св. Клары на Росмаркте. Более того, в ней были представлены обе соперничающие в городской политике тех лет партии, конфликт между которыми через шесть лет вылился в гражданскую войну. В данной статье у меня нет возможности отдельно исследовать этот вопрос; приведу в качестве примера лишь историю новой аббатисы Лукелин Бёппин. Ее отец Конрад Боппе в те годы был одним из аммайстеров. Его политика привела к тому, что члены корпорации банкиров, куда входили патрицианские семьи, располагавшие исключительным правом торговли и оборота капитала, утратили эту свою вековую привилегию. Во фракцию Боппе также входили кланы Фрайбургеров и Госссе. Оппозицию им составляли банкиры, которые из-за политики аммайстера лишились своего экономического могущества. Именно к таким семьям принадлежали монахини Ребшток, Хюфелин, Дучман, Брюльнер и фон Шёнек. Уже только на основании одного этого примера можно прийти к выводу, что из-за политической обстановки в городе в кругу монахинь едва ли царил гармония.

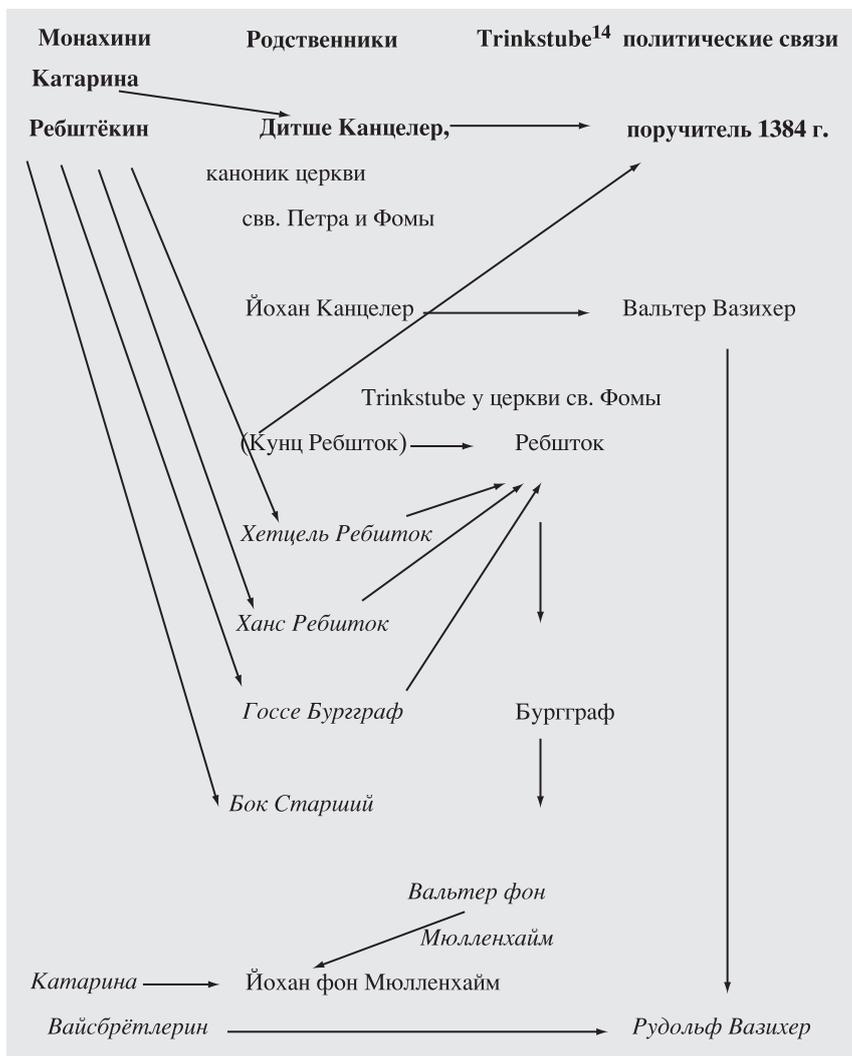
МОНАХИНИ И ИХ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Почему все же это дело получило широкий резонанс? Насколько источники позволяют судить, вначале скандал не выходил за пределы монастыря или круга принадлежащих ордену лиц.

Главную роль в том, что в ситуацию вмешались люди, которые в конце концов довели это дело до сведения городского совета и тем самым придали его огласке, сыграла Катарина Ребштёкин, которая была свидетельницей произошедшего между монахиней Александрин и Ментцером и которую вместе с прежней аббатисой Вайсбрётлерин провинциал ордена францисканцев отлучил от церкви. Катарина Ребштёкин обратилась к своему дяде Дитше Канцелеру, канонику церкви свв. Петра и Фомы, а он и еще несколько важных персон взялись хлопотать о том, чтобы соглашение с францисканцами было достигнуто и с монахинь сняли интердикт. Неудивительно, что под давлением таких людей францисканцы вынуждены были пойти на уступки (см. схему 1).

Схема 1

Связи Катарина Ребштёкин и Катарина Вайсбрётлерин

Кто были все эти люди? Обратимся сначала к дяде Катарина Ребштёкин Дитше Канцелеру. Каноник был сыном Йохана Канцелера, который, с тех пор как его выбрали аммайстером в 1380 г. и до своего смещения с должности в 1385 г., входил в число трех самых влиятельных лиц города. Йохан Канцелер был тестем город-

ского уполномоченного по финансам Кунтце Ребштока. В тесном родстве Ребштоки состояли также и с двумя другими членами делегации ходатаев перед городским советом – с Госсе Бургграфом и Боком Старшим. Бургграфы были одной из могущественных семей “благородной” части городского патрициата, а Боки принадлежали к его “бюргерской” части, но являлись чрезвычайно богатыми банкирами.

Четвертым в этой группе ходатаев помимо двух племянников Катарины Ребштёкин, Хетцеля и Ханса Ребштоков, был рыцарь Вальтер фон Мюлленхайм – эта фамилия уже упоминалась выше как одна из двух самых авторитетных, наряду с Цорнами, семей Страсбурга. Прямого родства с Ребштоками у них не было, зато они, так же как Ребштоки и Бургграфы, были постоянными посетителями питейного заведения (*Trinkstube*) у церкви св. Фомы.

Здесь следует пояснить, что такие городские питейные заведения, где собирался патрициат, как показал в своем исследовании Мартин Элиот, отнюдь не были просто местом для приятного общения во время совместных трапез – как раз там и образовывались настоящие союзы между различными родами, которые существенным образом влияли на политические процессы в Страсбурге. По своему общественному значению подобные собрания скорее можно сравнить с современными политическими партиями. Семья фон Мюлленхайм состояла в близком родстве с другой монахиней монастыря св. Клары, а именно с низложенной аббатисой Катариной Вайсбрётлерин. Отлученные от церкви женщины смогли, таким образом, привлечь поистине внушительный круг “друзей”, которые использовали свое огромное влияние, чтобы с их родственниц сняли интердикт.

Но даже в этот момент дело еще оставалось в строгой секретности. В тексте примирительного соглашения, при заключении которого присутствовало всего шесть человек, в самых общих чертах говорится лишь о ссорах и разногласиях, а сам повод для них не упоминается. Только после того, как монахини повторно подверглись интердикту, Рудольф Вазихер вынес это дело на городской совет, где и было зачитано “длинное письмо” аббатисы. С этого момента общеизвестными стали и все детали скандала.

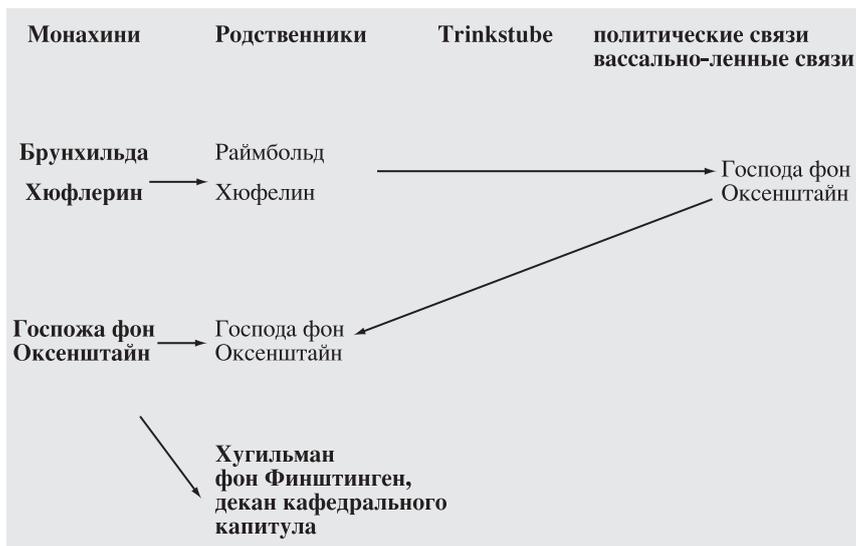
Каким образом здесь оказался замешан Рудольф Вазихер? Вазихеры – в высшей степени интересная семья городских “политиков”. Изначально они были патрициями, но использовали изменение городского устава в 1362 г. для того, чтобы перейти в разряд цехового бюргерства, и в этом качестве сделали блестящую политическую карьеру. Вальтер Вазихер, предположительно отец

Рудольфа, был, как и Йохан Канцелер, одним из трех всемогущих аммайстеров 1380–1385 гг. В этой роли он проводил откровенно пропатрицианскую политику и потому был смещен в 1385 г. вместе с двумя своими коллегами и осужден на десятилетнее изгнание. В 1413 г., как видим, на политическую арену снова выходит один из Вазихеров: возможно, он пытался использовать скандал вокруг монастыря кларисс, чтобы заявить о себе как о политике. Связь с Рудольфом Вазихером могла быть установлена через семью Канцелеров.

После того, как в скандал вмешался городской совет, к активным действиям пришлось перейти и другой монастырской “партии” (см. схему 2).

Схема 2

Связи Брунхильды Хюфлерин и госпожи фон Оксенштайн

Главная обвиняемая, Брунхильда Хюфлерин, принадлежала одному из первых родов Страсбурга: Раймбольда Хюфелина, вероятно, отца Брунхильды, можно причислить, как установил М. Элиот, “к числу крупных политиков начала XV в.”¹⁵. В городском совете он представлял патрицианскую аристократию и состоял в так называемой коллегии IX¹⁶ по вопросам войны. Кроме того, он был ленником господ фон Оксенштайн. А госпожу фон Оксенштайн можно отнести к наиболее авторитетным сторонникам монахини Брунхильды в монастыре св. Клары.

Поскольку после вмешательства городского совета это скандальное дело потребовалось расследовать более подробно, занялись поиском подходящего человека, уважаемого всеми влиятельными семьями города, который годился бы на роль посредника и к тому же занимал высокий пост в церковной иерархии, позволяющий вести необходимые переговоры с Римом или с францисканцами. Выбор пал на декана кафедрального капитула Хугильмана фон Финштингена, кузена госпожи фон Оксенштайн.

В то время он как раз выполнял по распоряжению соборного капитула функции управляющего епископством вместо безнадёжно растратившегося главы епархии Вильгельма фон Дииста¹⁷. Хугильман допросил в присутствии новой аббатисы представительниц обеих враждующих сторон и позаботился о том, чтобы Вайсбрётлерин, с папского разрешения, могла перейти в другой монастырь. Очевидно, ему также удалось убедить и других женщин, давших показания против Брунхильды Хюфлерин и провинциала, в том, что они должны придерживаться компромиссной позиции. Об этом свидетельствует упомянутая фраза из протокола, что монахини “знают о провинциале только хорошее” (*nichts dann liebs und guts*)¹⁸. Как показал Карл Зигфрид Бадер, ее можно рассматривать как типичную в алеманнском регионе формулу клятвенного отказа от претензий при заключении соглашения в делах об оскорблении¹⁹. Показания против Александрин монахини повторили, а о Хюфлерин и провинциале сказали, что знали о них только по слухам или от самой Брунхильды, которая рассказывала, что о ней ходят подобные лживые сплетни. В итоге Брунхильда Хюфлерин отделалась легким испугом, с провинциала были сняты все подозрения; Александрин, вероятно, была наказана за свое распутство по всей строгости (источники никак не затрагивают эту тему), а аббатису Вайсбрётлерин удалили из конвента. Она вступила в доминиканский монастырь св. Маргариты, где впоследствии стала настоятельницей. Таким образом, можно предположить, что репутация Брунхильды Хюфлерин стараниями ее отца или родственников госпожи фон Оксенштайн была, насколько это возможно, восстановлена.

ФРАНЦИСКАНЦЫ И ГОРОД

Как же в свете этой истории выглядели францисканцы? Кёнигсхофен дает понять в своей хронике, что и после завершения дела в глазах общества полностью подозрение с них отнюдь не было снято. Несомненно, здесь сыграл свою роль тот факт, что те же самые францисканцы были замешаны еще в первом сканда-

ле, 1399 г. Тогда Кюферханс обвинил и провинциала (в любовной связи с двумя женщинами из числа самых богатых в монастыре), и брата Ментцера, уже известного нам как “объект любви” монахини Александрин, и еще одного члена ордена, фон Бенфельда, который в истории 1411–1413 гг. выступал в качестве посредника между любовниками.

В первом случае городской совет воспользовался предоставившейся возможностью и укрепил свой контроль над францисканцами, поскольку попытки поставить под надзор городских “опекунов” также и мужские монастыри нищенствующих орденов предпринимались им уже с середины XIV в.²⁰ В 1399 г. городскому совету, благодаря его жесткой реакции, удалось добиться, чтобы францисканцы впредь осуществляли под контролем аммайстера, по меньшей мере, все контакты с монахинями.

Для периода 1411–1413 гг. о взаимоотношениях города с францисканцами из имеющихся источников можно получить более точное представление. Создается впечатление, что в главных чертах конфликт развивался не столько по линии “город – францисканцы” в целом, сколько, прежде всего, по линии “город – провинциал”, в то время как другие члены ордена были скорее на стороне города, пусть даже проявляя осторожность и никогда не вступая в открытую конфронтацию со своим провинциалом. Все страсбургские францисканцы, которые фигурировали в этом деле, были выходцами из семей коренных жителей города. Йохан Ментцер, обвиненный в блуде с Маргаретой Александрин, принадлежал к роду, который между 1397 и 1429 гг. в городском совете представлял каретников. В 1418 г. он стал настоятелем францисканской общины, значит, его дальнейшей карьере скандал, очевидно, не повредил. Конрад фон Бенфельд, который был настоятелем в 1411–1413 гг. и в этом качестве осуществлял контакт между монастырем и городом, происходил из очень богатой семьи корабельных плотников, состоявшей в городском совете. В XV в. фон Бенфельды стали патрициями – мы уже встречали их родственников в монастыре св. Клары на Росмаркте.

Провинциал Йоханнес Леонис, или Йохан Лёв, был родом из Тана (Эльзас). Его избрали на эту должность в 1393 г., а в 1407 он получил степень доктора в недавно основанном университете Вюрцбурга. Его стратегия явно заключалась в том, чтобы укрепить свои позиции при помощи римской курии. В 90-е годы XIV в. Йоханнес Леонис считался стойким приверженцем идеи подчинения Риму, тогда как страсбургский провинциал ордена августинцев в тот период склонялся к авиньонскому папе, в чем

нашел себе сторонников среди доминиканцев и францисканцев. Вероятно, поэтому Лёв вполне мог полагаться на свои римские связи. В пользу данного предположения свидетельствует как то, что он сумел добиться папской буллы, отлучающей от церкви монахинь св. Клары, так и то, что его реабилитацией занимался папский кардинал-легат.

ФРАНЦИСКАНЦЫ И КЛАРИССЫ

Теперь рассмотрим взаимоотношения между францисканцами и клариссами подробнее. Прежде всего следует задаться вопросом, дают ли наши источники возможность пролить свет на реальность за пределами диктуемой орденским правилом нормы. Разумеется, протоколы допросов, в принципе весьма информативные (особенно по второму делу), чреватые пристрастностью. Особенно это касается показаний смещенной аббатисы Вайсбрётлерин, которая очень обстоятельно рассказывала о поведении монахов. Счесть ее объективной свидетельницей никак нельзя: над нею нависла настоятельная необходимость оправдать происшествие в общине, поэтому ее очевидной целью было представить провинциала его истинным виновником. Следовательно, к показаниям аббатисы надо относиться с особенной тщательностью, и там, где это возможно, сравнивать с показаниями других людей или проверять по иным источникам. Согласно т.н. правилу Урбана²¹ 1263 г., по которому жили оба монастыря кларисс в Страсбурге, инспектировать их, т.е. осуществлять *officium visitationis*, входило в компетенцию провинциала францисканского ордена. Визитации были формой контроля за исполнением устава, нравственностью и состоянием хозяйства в клариссинских монастырях его провинции, тогда как пастырское окормление монахинь было поручено местным монахам-францисканцам.

Обвинения смещенной аббатисы были направлены почти исключительно против провинциала, который злоупотребил данными ему уставом доверием и положением. Ее претензии можно свести к четырем пунктам: 1) провинциал использовал свое право визитаций, чтобы обеспечить себе и другим францисканцам бесконтрольный доступ в монастырь; 2) из-за подарков и сексуальных контактов он поддался соблазну и стал оказывать предпочтение отдельным женщинам; 3) он злоупотребил данной ему дисциплинарной властью и принципом справедливости, назначая самые тяжкие наказания тем женщинам, которые не снискали его

благосклонности; 4) вместо того чтобы, как предусмотрено уставом, способствовать авторитету аббатисы, он скомпрометировал ее перед собственным конвентом, чем нанес ущерб послушанию монахинь.

Здесь следует несколько подробнее остановиться на первых трех пунктах, так как тема нарушений во время ежегодных визитаций уже затрагивалась на допросах по поводу скандала 1399 г. В 1411 г. одно из главных обвинений Катарины Вайсбрётлерин состояло в том, что провинциал “чуть ли не 100 раз” заходил в монастырь по самым ничтожным поводам или, вообще не назвав ей как аббатисе никакой причины, приводил с собой других монахов. Она утверждала (и это совпадает с показаниями двух других женщин), что мужчины уединялись с монахинями в их кельях²². Свидетельства аббатисы Вайсбрётлерин о том, как проходили визитации провинциала, которые явно отличались от визитаций его предшественников и обходились монастырю по пять фунтов пфеннингов в год, подтвердила и госпожа фон Хоэнштайн. Об этом мы узнаем со слов нотариуса Йохана Вердера, явно неприятно удивленного: “Затем он также сказал, что Вайсбрётлерин и фон Хоэнштайн сообщили ему, каждая отдельно, о визитации, которая происходила в означенном монастыре, и как провинциал посещал женщин, каждую особо, в комнате, куда никому нельзя было заходить, пока он там был”²³. Аналогичное свидетельство дает и монахиня Ребштёкин. На вопрос своего дяди, каноника Дитше Канцелера, почему провинциал был “так жесток” к ней и другим женщинам, которых отлучил от церкви, она ответила: «Дорогой дядя, я видела в комнате за печкой провинциала и женщину, которые были в плотской непристойной связи, это меня весьма поразило, я так хотела бы подобного никогда не видеть, ибо я подобного вовеки не видела и не знала, что так делают. Тогда спросил господин Дитше ее подруг, было ли это [на самом деле], тогда сказали они: “да”»²⁴.

Следствием всех этих событий стал установленный городским советом порядок общения францисканцев и кларисс в будущем, причем совершенно по-новому регламентировалась и практика визитаций: отныне все контакты с монахинями осуществлялись не в стенах монастыря, а у окна²⁵.

Второе обвинение смещенной аббатисы, согласно которому провинциал позволяет себе принимать от некоторых сестер дорогие подарки, также подтверждается многими свидетельствами. В том, что городской совет по меньшей мере денежные дарения некоторых монахинь братьям считал доказанными и хотел пре-

сечь это, можно убедиться на основании все того же выпущенного им регламента: в будущем францисканцам запрещалось принимать какие-либо подарки от женщин.

Дисциплинарную власть провинциала над монахинями и то, как несправедливо, по мнению сторонниц аббатисы, он ею пользовался, иллюстрирует следующий пример. В своем “длинном письме” Катарина Вайсбрётлерин сообщает, что одна женщина в монастыре в приступе умопомешательства набросилась на других сестер и хотела их убить. Монахини посчитали необходимым заковать ее в цепи, но для этого им потребовалась бы помощь мужчин, а потому аббатиса послала к провинциалу спросить разрешения впустить в монастырь духовника, управляющего (Schaffner) и врача. Провинциал отклонил эту просьбу. Тогда госпожа фон Хоэнштайн в присутствии всех женщин воскликнула: “А когда он хотел проворачивать свои делишки, кто давал ему разрешение сюда входить?”²⁶. Об этом донесли провинциалу; он очень разгневался и даже хотел заключить госпожу фон Хоэнштайн в тюрьму. “Тогда пришли, – как передает нотариус показания аббатисы Вайсбрётлерин по этому делу, – в монастырь св. Клары к провинциалу шесть почтенных старцев из францисканцев и стали на колени перед провинциалом с непокрытой головой и молили его, чтобы он смиловивился над дамами, а тот заставил их битый час стоять перед ним на коленях, умоляя, чтобы он соблаговолил их выслушать”²⁷. Почему францисканцы столь энергично выступили в защиту госпожи фон Хоэнштайн, аббатиса Вайсбрётлерин объясняет в своем “длинном письме” следующим образом: они боялись, что за эту особу (т.е. госпожу фон Хоэнштайн) есть кому заступиться (*in was angest, die persone hette etliche frunt*).

Беспомощность даже братьев-францисканцев перед решениями их провинциала особенно явно свидетельствует о его безграничной власти в монастыре кларисс. Ни в коем случае не забывая о тенденциозности показаний смещенной аббатисы и ее доверенных лиц, можно, пожалуй, утверждать, что на своем посту она была вынуждена выказывать беспрекословное послушание также и несправедливому провинциалу. Катарина Вайсбрётлерин однозначно указывает на это обстоятельство, передавая одну фразу провинциала. По ее словам, когда она и госпожа фон Хоэнштайн говорили с ним о нарушении морали в монастыре, которое ему приписывают, он в конце разговора высказался в том смысле, что даже если он и впрямь имел с ними со всеми любовные сношения, то что теперь поделать? (*Ob er sie jach alle geminnet hette, was sie dar zu tun wollent?*²⁸) Женская община старалась этому, по

меньшей мере, как-то противодействовать, о чем свидетельствует весь процесс, инициированный, в конце концов, самими монахинями. Власть провинциала над ними была огромна, поэтому члены конвента редко осмеливались лично давать ему отпор. Так было, например, когда смещенная аббатиса, находясь под сильным давлением, все же отказалась скрепить печатью монастыря письмо о невиновности провинциала, или в случае с госпожой фон Хоэнштайн в приведенном выше примере. Последняя даже не побоялась высказать свою точку зрения лично генералу ордена. Как было упомянуто, тот посетил монастырь в отсутствие провинциала и снял с отлученных женщин интердикт. По этому случаю, сообщает госпожа фон Лампертхайм, он строго порицал их за то, что они открыли и вытащили на свет человеческую слабость братьев²⁹.

Тогда госпожа фон Хоэнштайн ответила: “Если вас одолевает человеческая слабость, то вы должны найти другое место, чтобы там ей предаваться, а не у нас в нашем монастыре, ибо мы вам доверили, чтобы вы нам проповедовали, служили мессу, исповедовали и отправляли другие богослужения, и вы хорошо знаете, что мы не видели такого в домах наших отцов и матерей от наших дам и матерей, ибо мы пришли сюда совсем юными. А если узнали что дурное, то, должно быть, от вас научились”³⁰. Разумеется, это неслучайно, что столь бесстрашную позицию приняла одна из наиболее высокопоставленных в социальном отношении женщин в монастыре.

Но основную возможность защититься от произвола вышестоящих чинов монахиням давала иная стратегия: они должны были привлекать своих “друзей”, своих влиятельных родственников за пределами монастыря. Только так можно было добиться успеха, как мы видели на примере Катарины Ребштёкин, которая обратилась к родным, когда потребовалось снять церковное отлучение.

Францисканцам было предельно ясно, что связи монахинь серьезно ограничивали для них свободу действий в монастыре³¹. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что аббатиса Вайсбрётлерин сделала ставку на госпожу фон Хоэнштайн, за которую было кому заступиться (*in was angst, die persone hette etliche frunt*). В мировое соглашение между францисканцами и родственниками монахинь по настоянию последних был также включен пункт, согласно которому смещенной аббатисе и ее сторонницам позволялось в любое время испрашивать совета и помощи своих родственников.

Только если принять во внимание обнаружившуюся в этих сюжетах огромную значимость родственных связей монахинь,

которые соединяют монастырь с внешним миром, можно оценить масштаб последствий введения строгой дисциплинарной нормы в женских монастырях, потому что в большинстве случаев оно приводило к полному обрыву всех внешних связей и тем самым, среди прочего, лишало женщин действенного средства защиты от несправедливых иерархов.

СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ В МОНАСТЫРЕ

Наконец, следует хотя бы вкратце обратиться к источнику для ответа и на такой вопрос: какие формы принимала совместная жизнь женщин в монастыре?

Здесь нужно отметить, в качестве характерных примеров, два аспекта. Во-первых, это “зависть и ненависть”, на которые постоянно ссылаются монахини, усматривая в них основную причину всего произошедшего. И, во-вторых, многократно упомянутая дружба между женщинами, которых также и их родственники называли подругами детских игр (*gespielinnen* или *gespielschaften*).

Так, главная обвиняемая Брунхильда Хюфлерин истинной причиной для зависти и ненависти, которая возникла в монастыре и была направлена прежде всего против нее лично, называет враждебность ее тети Гертруды фон Шёнек. Брунхильда рассказала, что как-то раз она по распоряжению аббатисы пошла в келью фон Шёнек и взяла оттуда письма. Вскоре после этого Брунхильда попросила свою тетю вернуть ей взятые в долг пять гульденов. Все это так рассердило Гертруду фон Шёнек, что она выболтала перед конвентом все лживые слухи о связи Брунхильды с провинциалом, о которых та однажды сообщила ей под большим секретом.

Племянникам госпожи фон Шёнек довелось услышать совсем иную версию причины разрыва между их теткой и ее племянницей Брунхильдой – с точки зрения самой госпожи фон Шёнек. По ее словам, Брунхильда “от нее отдалилась” и сдружилась с Александрин, “и когда она увидела, что та от нее отошла”, то посоветовала ей никому больше не рассказывать тех тайн, которые Брунхильда поведала ей о своей связи с провинциалом. Тут она узнала, что племянница уже давно рассказала все еще одной монахине, госпоже фон Вингерсхайм. Потом Брунхильда стала постоянно хвастаться, что любая женщина общины, которой что-либо было нужно от провинциала, могла получить это толь-

ко через нее. Однажды она похвасталась и ей, фрау фон Шёнек, которая в ответ рассказала о тайне Брунхильды конвенту.

Судя по этой версии, в основе конфликта между обеими женщинами лежит произошедший в общине разрыв традиционных родственных связей. После ссоры между тетей и племянницей, которую все сестры называют подлинной причиной “зависти и ненависти” в их конvente, тетьа фон Шёнек перешла на сторону тех монахинь, которые постепенно стали объединяться под началом прежней аббатисы Вайсбрётлерин как противницы провинциала. Этот процесс шел вразрез с существованием тех групп, которые уже сформировались в конvente – по принципу политической позиции семей, из которых происходили монахини. К ним относятся (помимо представленной выше “фракции аммайстера”), с одной стороны, группа, сложившаяся вокруг Ребштёкин и Вайсбрётлерин и близкая к семейству фон Мюлленхаймов, и с другой – близкая к другому могущественному семейству – Цорнов – группа вокруг Брунхильды Хюфлерин и госпожи фон Шёнек. Подобные семейные союзы внутри монастырских общин не являются чем-то исключительным. Об этом свидетельствует, например, направленное монастырю доминиканок св. Иоанна в 1358 г. предписание³² городского совета, согласно которому запрещалось избирать настоятельницу и ее помощницу из одной “партии” (parten) – или Цорнов, или Мюлленхаймов. Важные решения должен был принимать совет из шести женщин, в котором обе партии имели равное представительство³³.

Образование новых групп в конvente, разделившемся на сторонниц и противниц провинциала, стало реакцией на его поведение и привнесло значительное беспокойство и неуверенность в жизнь обитательниц монастыря – по крайней мере, сами они видят именно в этом корень всех зол в их общине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наши источники содержат еще много разнообразной информации, открывающей широкие возможности для дальнейших исследований. Так, в них можно найти ответы на вопросы из области истории ментальностей: например о том, как женщины понимали “честь”, или об их отношении к сексуальности. Объем статьи не позволяет остановиться на этих темах подробнее, поэтому сформулируем лишь основные выводы из изложенного выше:

1. Как мы выяснили, социальный состав исследованных конвентов разнообразен; в них представлены различные социальные группы. Это обстоятельство в свою очередь влияло на политику городского совета по отношению к каждому монастырю. Однако доступными для понимания истинные причины и мотивы поступков участников событий становятся только при условии вовлечения в исследование сложного переплетения их личных связей.

2. Во взаимоотношениях с францисканцами цель политики городского совета состояла в установлении полного контроля над ними. В отношении местных монахов сделать это было существенно легче, чем в отношении других членов ордена, не являвшихся страсбургскими горожанами. Притязания городского совета на надзор не только за хозяйственной, но и за духовно-нравственной жизнью монастырей нашли выражение в составленном им предписании, регламентирующем контакты францисканцев и кларисс. Те же самые притязания стояли, по-видимому, и за последовавшими в течение XV столетия попытками доминиканцев реформировать женские конвенты своего ордена.

3. В отношениях между монахинями и монахами женщины занимали строго подчиненное положение и могли противопоставить этой иерархии только свой социальный статус и семейные связи.

4. Социальная иерархия, расстановка политических сил и отношения между семьями монахинь сказывались и внутри монастыря – в числе прочего и на том, по какому принципу они объединялись в группы. Но именно здесь, при анализе личных отношений между женщинами, при попытке выявить мотивы их действий и мир представлений, скрываются наибольшие трудности. И лишь случайно и крайне редко источники позволяют немного заглянуть и в эти, обычно столь закрытые, миры.

Пер. с нем. А.Б. Герштейн

Источник иллюстрации:

Silbermann J.A. Local-Geschichte der Stadt Strassburg. Strassburg, 1775. S. 75.

¹ См. подробнее статью С. Клапп в этом номере альманаха “Одиссей” (*примеч. пер.*).

² Имеется в виду докторская диссертация автора: *Schmitt S. Geistliche Frauen und städtische Welt. Kanonissen – Nonnen – Beginen und ihre Umwelt am Beispiel der Stadt Strasbourg im Spätmittelalter.*Habil. Universität Mainz, 2001 (*примеч. пер.*).

³ См.: *Schreiner K. Sozial- und standesgeschichtliche Untersuchungen zu den Benediktinerkonventen im östlichen Schwarzwald.* Stuttgart, 1964.

- ⁴ См.: *Tellenbach G.* Zur Bedeutung der Personenforschung für die Erkenntnis des frühen Mittelalters // *Freiburger Universitätsreden.* 1957. N.F. 25. S. 10–14 ff.
- ⁵ Клариссы – женская ветвь ордена францисканцев, основанная св. Кларой, последовательницей св. Франциска Ассизского. В 1253 г. Папа Иннокентий IV утвердил составленное св. Кларой правило ордена. В 1263 г. папа Урбан IV принял обновленное правило, которое стало действовать в большей части конвентов кларисс, в том числе и в страсбургских общинах. Монахинь, живущих по этому правилу, называют урбанианками. Им разрешено совместное владение собственностью, дозволено большее самоуправление в общине и др. Члены общин, продолживших придерживаться более строгого правила Иннокентия IV, сохранили название «первоначальных», или нищенствующих кларисс (*примеч. пер.*).
- ⁶ “das er mit frowe Ennelin Zörnin, des Wissen Zorn seligen dochter, liplich zu schaffende habe gehept zu zweien molen in dem closter inwendig uf dem speckhus....” // *Archives Municipales de Strasbourg, Abt. II. 40/5, Bl. 1.* (Далее: AM Str II.)
- ⁷ Здесь имеется в виду специальное окно у входа в здание монастыря, через которое монахини общались с представителями внешнего мира; в частности, оно использовалось для совершения юридических сделок, обнародования решений властей и т.п. Далее в тексте статьи под окном (нем. *Redefenster*) подразумевается это специальное окно (*примеч. пер.*).
- ⁸ “...das wir jurbas hin nut me weder an fenster, an bichte noch an winde wellent gon ane eins ammeisters urlop und willen» // AM Str. II, 24/19. Аммайстер, или амман – должностное лицо в Страсбурге. Первоначально так назывался председатель коллегии цеховых мастеров, затем – коллегии шеффенов (собрание делегатов от 20 цехов), а позднее – председатель городского совета. Вплоть до XV столетия власть председателя городского совета была очень велика (*примеч. пер.*).
- ⁹ “habe funden ligen an dem bette in irre alten zellen by einem manne ... und habe gesehen, das er uff ir gelegen ist und unluterliche mit ir gelebet hedt...” // AM Str II, 40/2.
- ¹⁰ AM Str. II, 40/2.
- ¹¹ AM Str. AH 769.
- ¹² “Дахштейнская война” (1419–1422) стала следствием роста социально-политической напряженности между представителями цехов и благородной частью городского патрициата. Поводом к ней послужил ряд постановлений совета от 28 апреля 1419 г., в частности требование, чтобы представители патрицианских родов отныне приобретали статус граждан города и приносили клятву верности городскому совету. Кроме того, они могли становиться членами городского совета или коллегии шеффенов лишь в том случае, если проживали на территории города. Переговоры представителя коалиции патрициев Бурхарда фон Мюлленхайма с городским советом в 1419 г. в поисках компромисса не увенчались успехом. Тогда часть патрициев покинула Страсбург и, объединившись с поместным дворянством и с епископом Вильгельмом II Дистом († 1439), выступила против войска горожан из замка Дахштейн. Подробнее о “Дахштейнской войне” см., например: *Wiederkehr G.* La guerre de Dachstein (1419–1422). Strasbourg, 1975 (*примеч. пер.*).
- ¹³ AM Str. II, 40/2.
- ¹⁴ См. пояснения ниже (*примеч. пер.*).

- ¹⁵ *Alioth M.* Gruppen an der Macht. Zünfte und Patriziat in Srtaßburg im 14. und 15. Jahrhundert. Untersuchungen zu Verfassung, Wirtschaftsgefüge und Sozialstruktur. 2 Bde. Basel; Frankfurt a/M., 1988. Bd. 1. S. 141.
- ¹⁶ Коллегия IX (позднее коллегия XIII) – одна из трех так называемых тайных палат (Geheime Stuben), органов городского самоуправления, образовавшихся в Страсбурге в XV в. Коллегия IX, так же как и коллегия XV и коллегия XXI, ограничивала власть городского совета, постепенно перенимая у него часть функций. Так, коллегия IX руководила внешней политикой Страсбурга (*примеч. пер.*).
- ¹⁷ О нем см. примеч. 12.
- ¹⁸ AM Str. II, 40,2.
- ¹⁹ См.: *Bader K.S.* “Wisse von ime nit anders denn liebs und guets”. Zur Herkunft und Geschichte einer Abbitte-Formel // Ders. Schriften zur Rechtsgeschichte. Bd. 2. Sigmaringen, 1984. S. 314–323.
- ²⁰ О подобном контроле над женскими общинами см. статью С. Клапп в этом номере альманаха “Одиссей” (особ. примеч. 76) (*примеч. пер.*).
- ²¹ См. выше, примеч. 5.
- ²² Ср.: AM Str. II, 40/2.
- ²³ “Item er hat auch geseit, das ime die Wißbrötlerin und die von Hohenstein sunderlich geseit habent von dem vistiren, das in dem vorge(annten) closter geschehen sie, und wie der provincial ieglich froue sunderlich hab in einer stube gevisitirt, darin nieman gedörfte kommen, die wile di dar inne was” // Ibid.
- ²⁴ “Lieber vetter, ich hab in der stuben hinder dem ofen den provincial und ein fraue liplich und unzimlich miteinander gesehen leben, das mir sere in bildet, das ich wolt, das ich es nie gesehen het, wann ich des glichen nie me gesehen han und wuste auch nit, das man also dete. Da fragete her Dietsche ire gespielen, ob das also wer, da sprachen sie ‚jo‘” // Ibid.
- ²⁵ AM Str. II, 40/10.
- ²⁶ “Do er sin snurwerg wolte triben, wer gab im do urloub, herin zu gende?” // AM Str. II, 40/2.
- ²⁷ “Do kement zu Sant Claren fur den provincial sehs alte erber hern von den barfüßen und knuweten fur den provincial barhoupt und betent in, das er den frowen gnedig were, die liesse er wol uff ein gantze stund vor ime knuwen, das er sie erhören wollte” // Ibid.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ “...das sie der vetter mensch kranckheit geöffent und vurbracht het” // Ibid.
- ³⁰ “So uch menschlich kranckheit bestudt, so soltent ir sie anderswo suchen und triben, dann vor uns oder in unserm closter, wann wir sint uch belyolhen, das ir uns predigen, messelesen, bichte hören und andern Gottesdienst tun soltent, und wissent wol, das wir das an unser vetter und muter huser von unsern frauen und mutern nit gesehen hant, wann wir zu jung her in komen sint, und was wir böses können, das müßten wir von uch lernen” // Ibid.
- ³¹ См. выше: францисканцы “боялись, что у этого лица (т.е. госпожи фон Хоэнштайн) были некие друзья” (*примеч. пер.*).
- ³² ÜB Str. V. Nr. 468.
- ³³ ÜB Strassburg Bd. V. I. Nr. 468.

СОДЕРЖАНИЕ

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЕ

Ю.Е. Арнаутова

ВВЕДЕНИЕ 5

С. Кланп

ЖЕНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ОБЩИНЫ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО ВЕРХНЕГО РЕЙНА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ СВ. СТЕФАНА В СТРАСБУРГЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ) 9

З. Хирбодиан (Шмитт)

“ДИКИЕ, РАЗВРАТНЫЕ И НЕДУХОВНЫЕ СЕСТРЫ”: ЖЕНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ СТРАСБУРГА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 32

А.Ю. Серегина

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ И УЛИЧНЫЙ ПРОПОВЕДНИК: ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ В ЛОНДОНЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА 57

Е.Б. Смилянская

ЖЕНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ КОНЦА XX ВЕКА (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПОЛЕВОГО АРХЕОГРАФА) 90

О.И. Тогоева

“ОСТАВИВШИЕ СОЗДАТЕЛЯ И ОБРАТИВШИЕСЯ К САТАНЕ”. ВЕДОВСКИЕ СЕКТЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 115

ПРАВИЛО СВЯТОГО ЦЕЗАРИЯ [Арльского] 133

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.Г. Экле

“ИСТОРИЯ” КАК НАУКА – “ИСТОРИЯ” КАК РОМАН 157

ИЗОБРАЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Воскобойников

СНОВА О ТЕЛЕ КОРОЛЯ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ОТТОНОВСКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЫ 177

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

М.Р. Ненарокова

СВ. ОСВАЛЬД НОРТУМБРИЙСКИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ХРИСТИАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 205

Н.А. Ганина

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ У МЕХТИЛЬДЫ МАГДЕБУРГСКОЙ..... 242

О.Е. Кошелева

ИИСУС КАК УЧИТЕЛЬ В РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ..... 329

П.-А. Будин

ВЕДОВСТВО В ШВЕДСКОЙ ДЕРЕВНЕ. БАХТИНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 346

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

М.А. Курышева

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР: ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВИЗАНТИНИСТА М.А. ШАНГИНА 364

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н.А. Ганина

ДУХОВНЫЙ СТРАСБУРГ

Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012 388

Н.Г. Терехова

ИТАЛЬЯНСКАЯ МИКРОИСТОРИЯ: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011 393

А.Н. Алексеев, А.Ю. Даниэль

ПРАВО НА ИМЯ

Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное. 2003–2012. СПб., 2013..... 415

IN MEMORIAM

ЖАК ЛЕ ГОФФ (1.01.1924–1.04.2014) 422

SUMMARIES..... 425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 431

CONTENTS

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? WOMAN IN A RELIGIOUS COMMUNITY

Yulia E. Arnautova

INTRODUCTION 5

Sabine Klapp

WOMEN'S CONVENTS IN THE CITIES OF UPPER RHINE: THE CASE OF
THE CONVENT OF ST. STEPHEN IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG 9

Sigrid Hirbodian

“WILD, LECHEROUS AND UNSPIRITUAL SISTERS”: WOMEN'S
CONVENTS IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG..... 32

Anna Yu. Seregina

A DEFENDER OF FAITH AND A STREET PREACHER: LUISA DE
CARVAJAL IN THE EARLY 17TH CENTURY LONDON..... 57

Elena B. Smilyanskaya

WOMEN'S SPIRITUAL LEADERSHIP IN AN OLD BELIEVER
COMMUNITY AT THE END OF THE 20TH CENTURY: FIELD NOTES..... 90

Olga I. Togoeva

“THOSE WHO FORSOOK THE CREATOR AND TURNED TO SATAN”:
WITCHES' SECTS OF THE LATE MIDDLE AGES 115

CESARIUS OF ARLES *REGULA AD VIRGINES* 133

THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

“HISTORY” AS SCIENCE – “HISTORY” AS NOVEL..... 157

IMAGES AND POLITICAL HISTORY

Oleg S. Voskoboinikov

ONCE AGAIN ON THE KING'S TWO BODIES. TOWARDS THE POETIC
OF OTTONIAN BOOK ILLUMINATION 177

RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

Maria R. Nenarokova

THE HOLY KING OSWALD OF NORTHUMBRIA: THE TRANSFORMA-
TION OF A CHRISTIAN RULER'S IMAGE IN THE MEDIEVAL LATIN
LITERATURE 205

<i>Natalia A. Ganina</i>	
MECHTHILD OF MADGEBURG'S SPACE AND TIME.....	242
<i>Olga E. Kosheleva</i>	
JESUS AS A TEACHER IN 16 TH AND 17 TH CENTURY RUSSIAN SCHOOL TEXTS.....	329
<i>Per-Arne Bodin</i>	
WITCHES IN BOTEÅ.....	346

HISTORIAN AND TIME

<i>Marina A. Kurysheva</i>	
HISTORIAN OF BYZANTIUM MSTISLAV SHANGIN: THE UNREMEMBERED MASTER.....	364

REVIEWS

<i>Natalia A. Ganina</i>	
SPIRITUAL STRASBOURG	
Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012.....	388
<i>Natalia G. Terekhova</i>	
ITALIAN MICRO-HISTORY: TWENTY FIVE YEARS LATER	
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011.....	393
<i>Andrei N. Alexeev, Alexandre Yu. Daniel</i>	
RIGHT TO NAME	
Biographica in the 20 th century. Veniamin Ioffe Memorial Conference. Selection. 2003–2012. Sankt-Peterburg, 2013.....	415
IN MEMORIAM	
G. LE GOFF (1.01.1924–1.04.2014).....	422
SUMMARIES	425
ABOUT AUTHORS	431